

примириться с этим, и он сделался цирюльником, брадобреем. Тогда-то его и подобрал граф Алмазива.

Таков жизненный путь Фигаро. И не только Фигаро, но и самого Бомарше. Он характерен для огромного большинства интеллигенции, вышедшей из мецанской среды той эпохи. Луначарский, говоря о Дидро, Жан-Жак-Руссо и даже Вольтере, как-то заметил, что "все эти интеллигенты были отчасти такими Фигаро - в положении полуслуг по отношению к власти имущим".

Вот почему Фигаро-Бенгерко не противоречит Бомарше. Весь вопрос в том, передает ли Бенгерко народность и революционность Фигаро. Мы утверждаем, что передает, хотя и необычно и не во всем. Здесь Фигаро недостает тех черт, которые раскрыли бы перед нами его образ, как человека из народа, связанного с народом, т.е. Фигаро - плебей. Бенгерко передает острый, пытливый ум Фигаро, его находчивость и изобретательность, что ставит его на голову выше графа. Вспомним, с какой искренностью и горячностью он обрушивает свои стрелы против двора, против политиканотвущей своры верхушки дворянства. Вспомним, с какой проникновенностью Бенгерко передает последний монолог Фигаро. Горечь и боль слышим мы в его голосе. Горячий протест зреет в нем. Здесь он становится страстным мыслителем.

Спорными кажутся нам два момента. Первое - это решение так называемых народных сцен. Видимо, из-за нежелания быть обвиненным в недостаточной народности,